Столик
на чужое имя

Ольга Слободская

Ольга Слободская
Столик на чужое имя

https://litres.ru/74745958
SelfPub; 2026

Аннотация

Дарья обещала подруге всего одну услугу: надеть рыжий парик, сходить на свидание под её именем и сделать так, чтобы мужчина сам отказался от второй встречи.

За столиком её ждёт Антон Левин. Генеральный директор студии, где она работает.

Антон её не узнаёт. Дарья пускает в ход всё, что должно отпугнуть приличного жениха, включая требование отдельных спален. Он смеётся, оставляет ей свой номер и спокойно принимает отказ.

А потом Дарья сама ему пишет.

Теперь днём она спорит с ним о фильме, который хочет спасти, а вечером он присылает сообщения девушке по имени Соня. И чем лучше им вдвоём, тем труднее Дарье ответить на простой вопрос: почему она не сказала, как её зовут, ещё за первым столиком?

Содержание

1. До закрытия 4
2. Один ужин 11
3. Отдельные спальни 16
4. Счёт на двоих 19
5. Номер на салфетке 24
6. Субботняя запись 26
7. Номер из кармана 32
8. Пробная смена 33
9. Чужая подпись 38
10. Первый монтаж 44
11. Игра до одиннадцати 48
12. Третий мяч 53
13. Без парика 58
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Столик на чужое имя

1. До закрытия

К половине шестого Виктор перестал брать трубку, а в аппаратной кончились чистые кружки. Даша вымыла одну, поставила её возле чайника и ещё раз набрала его номер. Ответил он уже на первом гудке.

— Вы меня извините, — сказал он. — Я в магазине стоял. У нас там по пятницам уценка, и кассирша каждому лично объясняет, почему нельзя взять восемь пачек масла.

— Вы восемь взяли?

— Две. Остальные шесть пытался взять мужчина передо мной. Много о себе узнал, пока стоял.

На заднем плане хлопнула дверь. Виктор спросил, может ли говорить прямо сейчас. Даша сказала, что звонит на пять минут. Он ответил, что тогда поставит пакет на лестницу, а то ручки тянутся.

— У нас в первом материале есть голос вашей жены. Она зашла за молоком, пока вы точили нож. Я хочу сразу уточнить, можно ли оставить разговор или убрать всё, где она слышна.

Виктор долго не отвечал. Даша увидела, как над чайником перестал идти пар. У неё на столе уже лежали наушники, и из одного уха тихо доносилось, как женщина открывает хо-

лодильник. С монтажом было бы проще оставить сцену целиком. Нож у Виктора шёл по камню ровно, жена за кадром искала молоко, а он про ручку ножа говорил ей так, как говорил бы человеку, которому дома действительно интересно, где у этого ножа центр тяжести.

— Убрать, — сказал Виктор. — Ей не надо.

— Хорошо.

— Я её вообще могу не спрашивать? Она не любит, когда что-нибудь без неё решают, а тут придётся объяснять, зачем вы приходили.

— Можете не спрашивать. В выпуске этого не будет.

Даша открыла блокнот и записала: «Кухня до холодильника. После — только нож». Виктор ещё был на линии. Она услышала, как он поднимает пакет.

— А если она потом сама захочет, я вам скажу, — произнёс он. — Только не звоните ей от себя. Она вам из вежливости согласится и потом мне неделю будет объяснять, что я мог предупредить.

— Договорились.

На этот раз он отключился. Даша зачеркнула фразу «после — только нож». Сначала надо было переслушать, что там с телевизором. Она включила наушники и дошла до хлопка. В дверь аппаратной заглянула Ирина. Она принесла пустой контейнер из-под салата и положила на край стола карточку из пропускной.

— Твой гость оставил. Охрана говорит, ещё раз так будет,

выдадут бумажный.

Даша перевернула карточку. На ней было написано «В. А. Крылов». Виктор в первый день спросил, должен ли он расписываться за пластик. Охранник ответил, что достаточно вернуть его на выходе. Теперь Виктор уже ехал домой с маслом, а карточка лежала в аппаратной.

— Позвонить ему, чтобы завтра занёс? — спросила Ирина.

— Он уже у дома. Пусть лежит.

Ирина отодвинула стул и села. Контейнер пах укропом. Крышка у него была закрыта только с одного края, и всякий раз, когда Ирина опиралась локтем на стол, она щёлкала.

— Что с женой?

— Голос вырезаем.

— Он разрешил оставить хотя бы нож?

— Да.

Ирина посмотрела на выключенный монитор.

— Мне хотелось бы всё это показать человеку, который ничего про фильм не знает. Сидит Виктор, точит нож. Зачем мне смотреть дальше?

Даша хотела сказать, что у Виктора руки как у человека, который всю жизнь что-то делал сам, и зрителю захочется понять, почему он теперь должен просить разрешения взять нож. Потом посмотрела на Ирину. Та весь день отвечала людям, почему фильм ещё не готов. Ей было бы приятно хотя бы один раз ответить без слова «надеемся».

— Пока рано показывать, — сказала Даша.

— В понедельник уже поздно будет это говорить. Понедельник у нас внутренний, в среду придут остальные.

Даша взяла карточку Виктора и подложила под контейнер. Крышка перестала щёлкать.

— Я соберу. Только не обещай никому, что у нас там семья.

— А кто её обещал?

Даша не знала. В первой заявке было написано «человек решает начать заново». Когда Миша приносил заявку на согласование, он что-то рассказывал Ирине о жене Виктора, которая всю жизнь носила ему на завод обед. Даша тогда сидела в коридоре и ждала, пока ей заменят пропуск. Спросить, о чём они договорились, она так и не успела.

— Я не хочу, чтобы обещали, — сказала она.

Ирина сняла контейнер с карточки. На карточке остался отпечаток зелёного листа.

— Хорошо. В понедельник сам у него и спросим.

Она взяла контейнер и ушла. Даша перевернула карточку, вытерла её краем рукава и положила в ящик. В понедельник надо было вернуть. Она вынула карточку и поставила вертикально между монитором и блокнотом, где её хотя бы можно было увидеть.

* * *

Соня ждала у проходной с бумажным пакетом. Пакет был из кондитерской, в которой Даша однажды купила пирожное, положила на него телефон и потом до вечера доставала из динамика крем зубочисткой. Соня держала пакет двумя руками и смотрела, как у стойки охраны человек заполняет гостевой лист.

— Ты сегодня свободна? — спросила она, когда Даша подошла.

— Я сейчас собиралась посидеть ещё час. А что у тебя?

Соня протянула пакет. Внутри лежала коробка с двумя тонкими кусками медовика. Один сполз в угол, и на крышке коробки осталась жёлтая полоса.

— Мама позвала меня на обед. Сказала, что ей надо кое о чём поговорить, и купила торт. Я попросила завернуть. Есть там не хотелось.

Они отошли к окну, где стояли два низких кресла. На подоконнике кто-то оставил одинокий шерстяной носок. Даша на секунду подумала, что это Сонин, потому что та вечно таскала запасные, если предстояла длинная запись. Но Соня села рядом и носок отодвинула.

— Про что разговор?

— Про то, что я, оказывается, давно знакома с сыном её подруги. Я сказала, что не помню. Она сказала, это нормаль-

но, мне тогда было девять, а он сидел дома с ветрянкой. Я говорю, как я с ним познакомилась, если он дома сидел. Мама говорит, мы с Мариной уже тогда друг друга хорошо знали.

Даша засмеялась. Соня тоже, но с задержкой.

— А потом она сказала, что договорилась об ужине, — продолжала Соня. — Сначала я сказала нет. Потом она спросила, можно ли хотя бы один раз поужинать, не объясняя, почему все её знакомые мне не подходят. Я говорю, один раз можно. Встаю, а она уже пишет Марине, что я с радостью.

— Ты могла сказать «без радости».

— Я тогда думала, что в пятницу поем и уйду. Она ведь не про свадьбу прямо спросила.

Даша посмотрела на коробку. По краю крышки шла тонкая прорезь, и крем теперь медленно вылезал наружу. Она взяла салфетку из пакета, подложила снизу и спросила, когда ужин.

— В семь. Пока всё в силе. У меня артистка сегодня должна была подтвердить запись. Молчит с утра. Если не подтвердит, я пойду. Там хороший ресторан. Съем что-нибудь за мамин счёт, потом позвоню и скажу, что мне не понравилось.

— А если понравится?

Соня сунула под кресло пакет и вытянула ноги.

— Тогда я ей неделю не буду говорить. Хочу сначала сама узнать.

У Сони в кармане зазвонило. Она достала телефон, посмотрела на экран и не ответила. Даша успела увидеть имя

«Мама». Пока он звонил, Соня вытащила из пакета маленькую деревянную вилку, попробовала разрезать медовик и сломала у вилки зубец.

— Вторую не дали, — сказала она.

Даша пошла в аппаратную за обычной. Когда вернулась, кресло было пустое, а коробка стояла на подоконнике возле носка. Соня прислала сообщение: «Артистка ответила. Сейчас вернусь». Даша съела у окна половину медовика. Оказалось, что нижний слой промок от крема и вилка в него входила без всякого усилия. Потом она забрала коробку и вернулась к ножу Виктора.

2. Один ужин

Соня поставила на монтажный стол голову в рыжем парике и спросила, до скольких Даша сегодня работает.

— Пока эта женщина не перестанет хлопать холодильником, — ответила Даша.

В наушниках женщина хлопнула холодильником в четвёртый раз. Её муж Виктор стоял у мойки и объяснял, почему у хорошего ножа ручка должна быть тяжёлой. За его спиной жена искала молоко, и каждый раз, когда звукарь на записи открывал рот попросить тишины, она как раз находила что-нибудь ещё.

— Она разрешила оставить голос? — спросила Соня.

— Нет. Мы вообще должны были писать на кухне вдвоём. Она пришла раньше.

Даша поставила метку на дорожке. Этот разговор в фильм не попадёт, но Виктор после него ещё три минуты точил нож, и ей нравилось, как он это делал. Можно было забрать конец, если вырезать телевизор из соседней комнаты.

Соня покрутила голову на столе. Под париком оказалась белая подставка для наушников с облезшим носом.

— У меня запись в семь. Артистка завтра уезжает, другой студии у неё нет. Я месяц её ловила.

— И?

— В семь у меня ещё свидание.

Даша сняла наушники. Соня села на табурет и вытащила телефон. В семейном чате сверху стояла фотография стола, снизу сообщение матери: «У окна. Марина сказала, Антон будет в семь».

Нина могла за пять минут достать столик в закрытом ресторане и не могла услышать слово «не хочу», если оно касалось будущего Сони. Про сына Марины Даша слышала впервые.

— Он из тех, про кого мама говорит «из нашей среды», — сказала Соня. — Они с Мариной уже выяснили, у кого где дача. Что мне с ним делать между дачами, пока никто не придумал.

— Напиши, что у тебя работа.

— Я написала. Она говорит, перенесём на завтра. Завтра у меня первая запись с Тамарой. Мы уже назначили время. Тогда будет среда. Когда я говорю, что вообще не хочу знакомиться, она присылает меню.

— Скажи ему напрямую.

— У меня нет номера. Могу спросить у мамы. Она сначала позвонит Марине выяснить, зачем я спрашиваю. К семи мы всё ещё будем выяснять.

Даша вернула наушники на стол.

— А парик зачем?

Соня помолчала, пока Даша сама не посмотрела на неё.

— Мне надо, чтобы он отказался. Один раз. Сам. Ты посидишь минут десять, скажешь что-нибудь про развод после

первой измены или что хочешь жить в коммуналке. Потом он пойдёт домой и скажет своей маме, что я ему не подхожу. Моя мама впервые за неделю займётся чем-нибудь ещё.

— А если он узнает тебя по фотографии?

— Мы договорились без фотографий. Сказала, что не буду устраивать с мамой кастинг. Он, как выяснилось, тоже.

Даша взяла парик за край. Рыжий цвет оказался ближе к морковному, чем был на расстоянии. Соня купила его для записи рекламы, где актриса должна была весь ролик сидеть спиной к зрителям, и заказчик всё равно вернул три варианта рыжего.

— Почему я?

— Ты единственная, кого я знаю, кто умеет испортить ужин, просто рассказывая правду.

Даша открыла рот, потом закрыла. Прошлой зимой она спросила Сониного бывшего за общим столом, почему тот четыре месяца пишет песни о бедности, а коммуналку за него всё ещё платит Соня. Вопрос занял семь секунд. Десерт они ели в разных комнатах.

Соня положила рядом свои большие очки без диоптрий. Даша надела их и посмотрела на чёрное окно монтажной. В отражении было видно её лицо и маленький красный огонёк на рекордере. Человека, у которого к понедельнику должен быть первый монтаж фильма, она в этом отражении с трудом узнала даже сама.

— Десять минут, — сказала Даша.

* * *

В ресторане столик оказался действительно у окна. Даша успела снять пальто, проверить, не видно ли сетку над ухом, и отправить Соне фотографию меню с ценой за воду. Соня ответила одним словом: «Господи».

Когда к столу подошёл мужчина, Даша узнала его по голосу раньше, чем подняла голову. В понедельник тот же голос доносился из колонок в переговорной. Он поздравлял студию с четвёртым годом работы и просил отделы перестать пересылать друг другу презентации на сорок слайдов.

Антон Левин снял пальто, передал его официанту и сел напротив.

— Соня?

За четыре года Даша ни разу не была так близко к своему генеральному директору. Она видела его на общих просмотрах, иногда у лифта, где он всегда разговаривал по телефону. В среду он прошёл мимо неё, придерживая дверь ногой, и сказал: «Можно проходить». Это был их самый длинный разговор.

Ей оставалось ответить одним словом и уйти. Вместо этого она поправила очки.

— Да.

Антон посмотрел на часы.

— Я попросил принести нам ужин сразу. Надеюсь, вы не

против рыбы.

Даша положила телефон экраном вниз. Десять минут она ему всё-таки даст.

3. Отдельные спальни

— Против, — сказала Даша.

Антон уже протянул руку за стаканом. Рука остановилась.

— Вы не едите рыбу?

— Ем. Мне не нравится, когда её за меня едят заранее.

Официант, который стоял неподалёку, подошёл с меню. Антон посмотрел на него, потом на Дашу и попросил подождать с заказом. Даша выбрала картошку, салат и хлеб с маслом. Антон посмотрел на вторую страницу и взял то же самое, кроме салата.

— Можно спросить, зачем вы вообще согласились? — спросила она.

— Мама сказала, что мы давно собирались увидеться.

— А мы собирались?

— Видимо, она имела в виду себя и вашу мать.

Они помолчали. Из соседней кабинки доносилось, как кто-то объясняет, что подарок заказывали другого цвета. Антон снял часы и положил перед собой. Даше захотелось узнать, действительно ли он засёк время. Она посмотрела на циферблат и увидела, что часы отстают на семь минут.

— Ну что, — сказала она. — Мне тогда сразу сказать про отдельные спальни?

Антон повернул часы циферблатом вниз.

— В каком случае?

— Если поженимся. Я по воскресеньям встаю после одиннадцати. Вы наверняка заводите будильник на шесть и пять раз нажимаете «отложить».

— Четыре.

— Вот. Вы уже начали торговаться.

Антон засмеялся так громко, что женщина за перегородкой замолчала на слове «бежевый». Даша тоже засмеялась. Это оказалось некстати. Ей бы выдержать лицо ещё минуты две и потом объявить, что она непременно заведёт дома шесть попугаев.

Картошку принесли в чёрной сковороде. Даша взяла вилку, уколола самую маленькую картофелину и положила её обратно, потому что обожгла губу. Антон подвинул к ней воду. Следующую он разрезал пополам и некоторое время смотрел, как над ней идёт пар.

— А если без спальни, — спросил он, — что бы вы хотели знать до второго свидания?

Даша поискала в голове что-нибудь способное закончить вечер. Нашла несколько подробностей про Сониных родственников, которые не имела права пересказывать, и одну собственную.

— Я не люблю знакомиться с матерями. У меня у самой прекрасная мать. У неё есть привычка спрашивать, когда я стану жить нормально. Она начинает с этого разговора, даже если я принесла пирог.

— Что значит нормально?

— Чтобы был кто-нибудь, кому я могу поручить купить молоко. Сама я, по её мнению, покупаю его как-то временно.

Антон провёл пальцем по краю стакана.

— Моя сегодня попросила позвонить, как вернусь. Я сказал, что не буду. Она всегда хочет знать, как прошла встреча, пока я сам ещё еду домой и пытаюсь это понять.

Даша подумала, что ей никто не мешает сейчас сказать правду. Женщина за перегородкой уже получила подарок правильного цвета. Официант убрал второе меню. Вечер вполне можно было закончить.

— А вы вообще часто не знаете, что думаете? — спросила она.

Антон поднял на неё глаза.

— Реже, чем следовало бы.

Они заказали чай. Даша увидела, как на телефоне высветилось сообщение Сони: «Жива?» Ей пришлось отвернуть экран, чтобы не засмеяться второй раз при совершенно неподходящих обстоятельствах.

4. Счёт на двоих

Чай принесли в чайнике, который оказался тяжелее сковородки. Антон поднял его за ручку, придержал крышку и всё равно пролил на блюдце. Даша взяла салфетку, подложила под чашку и спросила, почему он не попросил чайник поменьше. Он сказал, что уже пробовал просить здесь поменьше. Ему принесли такой же, только без крышки.

— Вы часто здесь бываете?

— Мама любит этот ресторан. Мы как-то отмечали здесь мой день рождения. Я заказал рыбу, и теперь официант каждый раз говорит, что помнит, какую.

— Поэтому рыба.

Антон посмотрел на меню, которое так и лежало у края стола. Он мог бы убрать его, но официант принёс только одно на двоих, и Даша оставила открытым возле себя.

— Я думал, мы быстро поедим и разойдёмся, — сказал он.

— А теперь?

— Теперь я не знаю, на каком мы пункте. Вы дошли до спален. Дальше ведь наверняка есть ещё что-нибудь.

Даша подумала про шесть попугаев. Достать их теперь было бы несложно. Можно ещё сказать, что она держит в комнате клетку, у которой никогда не закрывается дверца, и не собирается отучать попугаев садиться на люстру. Антон, скорее всего, спросит, сколько стоит менять люстру.

Она начнёт рассказывать, почему менять не надо. Они опять останутся.

— Дальше обычно про работу, — сказала она.

— Обычно да.

— Вы сами хотите про неё говорить?

Антон поднял чайник и на этот раз налил точно. Даша увидела, как он придерживает крышку мизинцем. На стол не упало ни капли.

— Сегодня нет. А вы?

— Сегодня тоже нет.

Они выпили по глотку. Даша уже забыла, какой чай заказала. На вкус он был как вода, в которой успели подержать яблочную кожуру. Она не хотела говорить про студию и из-за этого вдруг не могла придумать, что у неё есть ещё. Всё, чем она занималась последние три дня, можно было перечислить по таймкодам. Где-то там, между двумя звонками, она съела медовик, вымыла кружку и купила себе новые носки, потому что старые всё время сползали в ботинке. Этого едва хватало на разговор с человеком, которому она пришла рассказывать, как будет жить после свадьбы.

Антон попросил её посмотреть на соседний стол. Там мужчина снимал с тарелки петрушку и складывал на край, листик к листику. Напротив сидела девочка лет двенадцати и делала вид, что не замечает. Потом протянула руку, взяла два листика и положила себе поверх картошки. Мужчина посмотрел на пустое место. Девочка продолжала есть.

— Я в детстве так делал, — сказал Антон. — Складывал всё, что не хотел есть, на мамину тарелку. Она замечала уже в конце и говорила, что ей положили лишнее.

— А вы ей не говорили?

— Мне было лет десять. Мне казалось, я довольно ловкий.

Даша посмотрела на девочку. Та взяла ещё один листик. Мужчина в этот раз увидел и передвинул к ней всю петрушку.

— Теперь видите, как это выглядело со стороны, — сказала Даша.

Антон засмеялся. Он не сразу перестал, и Даша увидела, как на его пальце проступает светлый след от кольца часов. Положить руку на стол рядом с его рукой было бы очень легко. Она взяла чайник, долила себе и подумала, что вся её затея ещё полчаса назад была смешнее, чем теперь.

* * *

Официант принёс десерт, которого они не заказывали. Сказал, что от ресторана. На тарелке лежало одно большое кольцо из теста, а внутри были ягоды и две ложки. Даша посмотрела на Антона. Он поднял обе руки.

— Это не я.

Официант сказал, что в брони была пометка. Антон попросил показать. Официант достал маленькую книжку, нашёл столик и прочёл: «Семейное знакомство». Даша закры-

ла лицо рукой. Антон попросил убрать пометку. Официант спросил, убрать ли и десерт. Даша посмотрела на ягоды и сказала, что десерт может остаться, если за него никто из матерей не отвечает.

Официант обещал спросить. Когда он отошёл, Антон взял ложку и подвинул тарелку к середине. Даша протянула руку к другой ложке, но остановилась.

— Вы понимаете, что я вполне могу сейчас уйти? — сказала она.

— Понимаю.

— Даже после чая.

— Особенно после чая. Он был ужасный.

Она засмеялась. Антон подождал, пока она возьмёт ложку, и только потом попробовал десерт. Оказалось, что в середине у кольца пусто, а ягоды лежат поверх льда. Одна ягода скатилась к краю. Даша поймала её ложкой и только тогда заметила, что Антон смотрит на неё.

Ей хотелось сказать: «Послушайте, меня зовут иначе». Даже «иначе» было бы достаточно, чтобы всё пошло по-другому. Она положила ягоду обратно. Подумала, что за соседним столом мужчина заметил петрушку и всё равно оставил дочери возможность забрать её самой. Даша не знала, что Антон заметил за этот вечер. Знала только, что он пока ждёт.

Официант вернулся и сказал, что десерт подарок от заведения. Пометку убрали. Антон спросил, можно ли принести счёт. Потом посмотрел на Дашу и добавил:

— Или хотите ещё что-нибудь?

Даша могла сказать, что хочет. У неё даже было что сказать. Вместо этого она попросила два счёта и заметила, как быстро официант запомнил, кто что заказывал, хотя половину вечера они ели из одной сковородки.

5. Номер на салфетке

За чай Даша заплатила сама. Антон удивился, когда она попросила принести два счёта, потом спросил, можно ли ему хотя бы дать ей свою салфетку. На ней он написал номер, стараясь не попасть ручкой в пятно от масла.

— В следующий раз могу не заказывать заранее, — сказал он.

— Следующего раза не будет.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем за весь вечер смотрел, когда она говорила серьёзно. Потом сложил салфетку пополам и оставил возле её чашки.

— Хорошо. Тогда спасибо за этот.

Даша надела пальто в гардеробе и вышла одна. На улице она обнаружила салфетку в кармане. Очки запотели, а под сеткой чесалось так, что хотелось вымыть голову у первой открытой колонки. Она дошла до остановки, сняла парик под капюшоном и сунула его в сумку. Рядом села женщина с укропом в прозрачном пакете. Женщина посмотрела на торчащий рыжий локон и предложила Даше держать сумку на коленях, чтобы никто не сел сверху.

Соня позвонила, когда автобус уже отходил.

— Ну?

— Ты знаешь, кто такой Антон Левин?

— Ты спросила фамилию?

— Он генеральный в «Кадре».

Соня перестала что-то двигать возле микрофона.

— Господи. Ты сразу ушла?

Даша прижала телефон к уху плотнее.

— Через два часа.

— Даш.

— Я сказала, что больше не приду.

— А мама сейчас спрашивает, почему он ей ничего не передал. Я сказала, что не хочу продолжать, раз она всё равно не слышит. Видишь, могла ведь сказать и в понедельник.

Соня говорила устало. На записи у неё сломалась стойка, актриса на середине ушла греть суп и вернулась с другой интонацией. Даша пообещала пока подержать парик у себя и сказала, что всё кончилось. Ей хотелось услышать собственный голос, произносящий это уверенно.

6. Субботняя запись

В субботу Даша приехала к Соне к десяти, хотя Соня просила приезжать к девяти. Поднялась на третий этаж, поставила сумку на пол возле двери и уже приготовилась услышать, как у Сони на кухне гремит кофемолка. Из квартиры донеслось только два коротких щелчка. Соня открыла дверь босиком. На одной ступне у неё была полоска белого пластыря.

— Я думала, ты отменишь, — сказала она.

— Я тоже думала. Дай войду, потом посмотрим.

В комнате стояли два стула, микрофоны и сложенное одеяло, которым Соня закрывала батарею, когда записывала кого-нибудь дома. На подоконнике лежали апельсины. Соня купила их для гостьи, хотя гостья попросила только воду. Даша разулась, повесила пальто и спросила, кто придёт.

— Тамара, машинист крана. Сорок шесть лет. Пять лет вообще не работала, ухаживала за матерью. Потом пыталась устроиться, никто не верил, что она ещё помнит, как это делается.

— А ты веришь?

— Я слушала, как она рассказывала про зазор над грузом. После этого мне страшно ездить на лифте.

Даша поставила телефон на зарядку. Она обещала посидеть рядом с Соней во время первой записи для её нового заказа. Иногда приглашённый человек видел два микрофо-

на и начинал говорить так, будто просит прощения перед всем городом. Даша умела спросить про обычную мелочь и дождаться, пока человек снова услышит собственный голос. Соня за это платила ей кофе, а если запись затягивалась, кормила чем-нибудь, что не требовало мыть нож.

Пока ждали Тамару, Соня проверила уровень, подвинула стул и попросила Дашу сказать пару слов в дальний микрофон.

— Почему я должна делать это по субботам?

Соня поправила регулятор.

— Потому что в пятницу ты была занята.

Даша сняла наушники. Соня тоже сняла свои, но со стула не встала.

— Мне утром опять звонила мама, — сказала она. — Спросила, мы с ним виделись или нет. Я сказала, что меня там не было. Она спросила, почему вчера я ответила только, что продолжения не будет. Я говорю, потому что я не хотела разговаривать. Она положила трубку.

— Она позвонит Марине?

— Может. Ей неприятно признаться, что она договорилась за меня и я взяла и не пришла. Пока ей проще злиться на меня. Я сказала, что извинюсь перед ним сама, если он будет спрашивать. Я ничего про тебя не сказала.

Соня посмотрела на Дашу. Та в сумке принесла парик, чтобы вернуть его, но оставила сумку в прихожей. Рыжие волосы наверняка опять торчали из молнии.

— Он не будет спрашивать, — сказала Даша. — Я ему всё объяснила.

— Что объяснила?

— Что больше не приду.

— Это вообще разные вещи.

За дверью залаяла собака. Соня встала, подошла к окну и прикрыла его. Собака продолжала лаять чуть глуше. Даша подумала, что так же, наверное, звучит любой разговор, если его очень хочется отложить: всё слышно, но можно дальше заниматься своим делом.

— Ты правда не знаешь, почему я осталась? — спросила она.

— Я примерно знаю. Мне просто хотелось услышать, что ты мне скажешь.

Даша провела пальцем по краю стола. Там на лаке осталась круглая вмятина от стойки.

— Он мне понравился.

Соня перестала придерживать оконную ручку. Даша ждала, что она начнёт смеяться. Соня спросила, что он такого сделал.

Даша могла перечислить, что он сказал про мать и отдельные спальни, как перестал смотреть на часы и куда положил салфетку. По отдельности ни одна вещь ничего не объясняла. Ей вспомнилось, как она обожглась картошкой и потом весь разговор держала стакан обеими руками. Антон не спрашивал, зачем. Просто налил ещё воды, когда стакан опу-

стел.

— С ним было легко разговаривать, — сказала она. — Даже когда он меня раздражал.

— У нас с мамой так тоже бывает. Правда, наоборот.

Даша засмеялась. Соня снова села и включила запись. В подъезде прозвенел домофон. Они обе повернули головы, и Соня, прежде чем встать, сказала:

— Если ты ему напишешь, скажи сразу, как тебя зовут.

Даша не успела ответить. Соня уже снимала одеяло с батареи, потому что поняла, что там оставила гостевые тапочки.

* * *

Тамара пришла с большой папкой, которую держала вертикально, как человек, привыкший проверять, куда пойдёт груз, прежде чем опускать его на пол. Села на край стула и спросила, можно ли оставить куртку на себе. Соня сказала, что можно, если она не шуршит. Тамара потрогала рукав и сама сняла куртку.

Первые десять минут она говорила о том, сколько времени заняли курсы. Даша слушала и ждала, когда в её рассказе появится день, который она сама хорошо помнит. Наконец Тамара сказала, что в первый раз вышла на работу после перерыва в чужих ботинках. Её собственные, с железными носами, лежали дома под табуретом. Она к ним привыкла и не заметила, что подошва разошлась. Напарница привезла

запасные, на размер больше.

— А почему вы это запомнили? — спросила Соня.

— Потому что на кране мне надо было нажать педаль, а нога внутри ботинка всё время уезжала вперёд. Я сидела и думала: только бы внизу никто не заметил, что я боюсь.

Она говорила уже не в микрофон. Смотрела в окно, где собака успела устать и теперь только иногда царапала дверь. Даша видела, как Соня пододвинула к ней воду, почти не двигая стул. Тамара взяла стакан и спросила, можно ли оставить то, что она только что сказала про страх.

— Пока да, — ответила Соня. — После я пришлю вам кусок. Если передумаете, скажите.

Тамара отпила и поставила стакан точно на то же место. Потом рассказала, как напарница вечером попросила вернуть ботинки и спросила, почему те почти сухие, хотя весь день шёл дождь. Тамара ответила, что ни разу не выходила из кабины, даже на обед. Напарница принесла ей яблоко и сказала, что завтра пусть хотя бы спустится поесть. На второй день Тамара уже приехала в своих.

Когда запись закончилась, Соня выключила рекордер, а Тамара ещё сидела. Потом спросила, на чьё имя ставить подпись на разрешении. Соня протянула лист и показала, где расписаться. Тамара внимательно прочла текст до конца, перевернула лист и спросила, почему там пусто. Соня сказала, что если ей есть что дописать, она может дописать сама.

Тамара написала на обороте номер своего телефона. По-

том приписала: «Звонить после шести». Поставила точку и объяснила, что до шести на работе не слышит звонков.

Когда дверь за ней закрылась, Даша пошла на кухню мыть стаканы. Соня села на край стола и взяла апельсин. Даша спросила, почему она до сих пор пишет пробные записи у себя, если заказчик оплачивает студию.

— Первую я сама хотела дома. Здесь я слышу, как звучит комната. И не надо каждые полчаса думать, сколько ещё денег осталось.

— Ты согласилась на весь цикл?

— Да. В ноябре последняя запись. Только ты не соглашайся за меня вести остальные. Я хочу сама научиться спрашивать так, чтобы не лезть человеку в рот.

Даша поставила мокрый стакан на полотенце. Соня начала чистить апельсин и через минуту спросила, нужно ли Даше дать чистую сумку для парика.

Даша посмотрела в прихожую. Сумка лежала там, где она её бросила, и ничего рыжего из неё не торчало. Можно было вынуть парик, оставить Соне и уехать. Это заняло бы столько же времени, сколько помыть второй стакан.

— Я его пока заберу, — сказала она.

Соня отдала ей половину апельсина. Только после этого спросила:

— Ты зачем это говоришь таким голосом, как будто уже решила?

7. Номер из кармана

В воскресенье вечером она посмотрела на салфетку и решила выбросить её. Потом представила, как Антон рассказывает другу, что у девушки были очень ясные требования к спальням и совершенно никакого желания с ним встречаться. Ей захотелось написать, что с последней частью он ошибся.

«У метро есть столы для пинг-понга. Во вторник в семь. Если умеете проигрывать, приходите».

Она нажала «отправить» и положила салфетку в мусор. Антон ответил, пока она ещё стояла над корзиной.

«Умею. С правилами у меня хуже. Соня, приносить вторую ракетку?»

Даша вынула салфетку обратно. На ней остался номер, но рядом с ним теперь темнело пятно от апельсиновой кожуры.

8. Пробная смена

В понедельник на проходной висел новый экран с фотографиями студийных проектов. Антон стоял у турникета с охранником и разбирался, почему приглашённым участникам выдают карточки с истёкшим сроком. Даша сняла наушники, когда проходила мимо. Он придержал турникет для женщины с кофром, а потом так же придержал его для Даши. Она сказала «спасибо». Антон кивнул и продолжил объяснять охраннику, какие карточки надо убрать. Даша дошла до лифта, не обернувшись.

В понедельник Даша нашла в ящике пропуск Виктора, сунула его в карман и пошла к охране. За стойкой сидел новый человек. Он посмотрел на карточку, спросил, кем Даша приходится Виктору, и попросил подождать, пока найдёт его в журнале.

— Я могу оставить карточку у вас?

— Можете. Если он опять придёт, новую выпишем.

Даша села на лавку. Отсюда был виден турникет, через который утром проходил Антон. Теперь охранник успел заменить пачку просроченных карточек. Женщина с кофром всё ещё сидела у стены. Она попросила Дашу не трогать кофр ногой, потому что тот открыт. Из-под крышки выглядывала резиновая лапа. Даша уже придумала, что в студии снимают животное, когда женщина вынула лапу и поставила на

пол целиком. Это оказался утяжелитель для штатива в форме лягушки.

Телефон завибрировал в кармане. Виктор написал, что ждёт у служебного входа учебной кухни и не может дозвониться до Миши. С ним договаривались встретиться утром, чтобы заранее решить, куда можно поставить камеру. Даша ещё раз прочла сообщение, посмотрела на время и позвонила Мише. У него шли гудки. Потом он сам перезвонил.

— Ты сейчас где? — спросила она.

— У меня встреча на другом конце города. Я Виктору писал, что приеду к обеду.

— Он уже приехал. У него сегодня до одиннадцати занятия.

На той стороне Миша шуршал чем-то похожим на пакет.

— Я написал «ближе к обеду». Может, он решил, что это десять?

— Он решил, что это девять тридцать, потому что ты до этого сказал девять тридцать.

Миша сказал, что перезвонит Виктору. Даша попросила сначала написать ей, что именно они собирались посмотреть. Он перечислил дверной проём, мойку, шум вентиляции и место, где Виктор обычно оставляет куртку. Последнее Дашу удивило. Миша сказал, что хочет снять, как Виктор переодевается перед занятием, а уже потом даёт зрителю увидеть, где тот оказался. Даша представила чужие куртки на крючках и подумала, что это хорошо придумано. Те-

перь оставалось попросить Виктора подождать ещё пятнадцать минут и найти машину.

Охранник подошёл с журналом и спросил, кем всё-таки Даша приходится Виктору. Она сказала, что они работают вместе. Охранник повернул к ней журнал. Даша поставила подпись возле номера пропуска и пошла к выходу.

* * *

Виктор ждал возле зелёного контейнера. Он был в клетчатой рубашке поверх футболки и держал пакет с двумя яблоками. Поздоровался, предложил яблоко, потом предложил сразу оба, потому что на занятии всё равно есть не разрешают.

Даша взяла одно. Второе Виктор положил на контейнер, чтобы не держать пакет. Из кухни вынесли пустой ящик для рыбы и поставили возле двери. По лестнице поднялась женщина с ключами. Виктор представил её как Лену, которая отвечает за учебные смены. Лена спросила, где штатив. Даша сказала, что сегодня они только смотрят.

— Смотрите, — ответила Лена. — Только у меня через десять минут группа. Они рыбу сегодня впервые увидят в таком количестве, мне ещё посуду считать.

Кухня оказалась меньше, чем Даша помнила по пробной записи. Тогда они стояли в углу возле мойки, откуда казалось, что за плитами есть ещё один проход. На самом деле

проход заканчивался шкафом, и всякий, кому понадобятся тарелки, должен будет вернуться тем же путём. Даша достала блокнот и нарисовала прямоугольник. Виктор посмотрел через её плечо и показал, где обычно стоят ящики.

— Я вам в пятницу после первого звонка хотел кое-что сказать, — произнёс он.

Лена открыла шкаф. Даша закрыла блокнот и подождала, пока та уйдёт с посудой.

— Вы можете вообще передумать, — сказала она. — Если дело в этом.

— Дело в том, что мне до сих пор нравится сниматься. Я вчера весь вечер объяснял себе, что это ничего не значит. Представлял, как сын увидит, что я здесь делаю, и наконец перестанет спрашивать, почему у меня голос по телефону как в выходной.

— А сын тоже не знает?

— Сын знает. От него скрыть трудно. Он каждый вторник деньги на проезд у меня просит и смотрит, в какой куртке я пришёл. Жена считает, что я отпуск отгуливаю.

Виктор потёр запястье. На нём была полоска от часов, но часов не было. Он положил их, как выяснилось, в пакет с курткой: на кухне нельзя.

— Мне с ней всё равно надо поговорить. Только я не хочу, чтобы вы пришли и помогли мне это сделать.

Даша кивнула. Ей хотелось узнать, в какой момент предложение снять фильм стало для Виктора ещё одним челове-

ком, которому он должен что-то объяснить. Но если бы она спросила сейчас, пришлось бы выяснять это на кухне, где уже звенели тарелки.

— Когда придём с камерой, у вас будет право сказать, что сегодня снимать не надо, — сказала она. — Мы тогда уедем.

— А кто вам заплатит, если вы уедете?

Даша посмотрела на ящики возле стены. Она уже прикидывала, во сколько обойдётся лишний выезд. Не надо было долго считать, чтобы понять, что Виктор спрашивает то же, что спросит Ирина.

— Это я решу со студией. Ваш ответ от этого не зависит.

Виктор взял яблоко с контейнера, вытер его о край рубашки и протянул Даше. Своё она всё ещё держала в руке. Он увидел это, усмехнулся и оставил второе себе.

В дверях появились трое учеников. Один принёс с собой полупустой стакан кофе и долго искал, куда поставить. Виктор забрал стакан, поставил на подоконник и показал, где лежат фартуки. К тому времени, когда Лена вернулась с тарелками, он уже успел объяснить всем троим, почему нельзя ходить за плиты с телефоном в заднем кармане.

Даша открыла блокнот. На странице рядом со схемой кухни записала: «Сначала показать, что он здесь уже свой». Потом прислала Мише фотографию дверного проёма. Он ответил, что до обеда точно освободится. Даша набрала: «Сегодня уже не надо». И впервые за утро после нажатия кнопки ей не захотелось ничего добавлять.

9. Чужая подпись

Когда Виктор скрылся на кухне, Даша осталась возле служебной двери с блокнотом. Она хотела ещё раз осмотреть проход, но из коридора уже выносили ящики, и пришлось отойти к стене. В дверях стояла женщина с тонкой белой папкой. Она держала её над головой, чтобы ящики прошли под ней, и спросила, кто здесь от студии.

Даша подняла руку. Женщина спустилась на две ступеньки, переложила папку под мышку и представилась Кирой. Имя Даша видела в письмах. Кира работала у партнёра, который давал площадку для выхода фильма. Она сказала, что приехала проверить, как будет выглядеть место съёмки. На фотографиях дверь была синяя. Теперь дверь зелёная, и ей хотелось понять, не приехала ли она в другой филиал.

— Дверь перекрасили, — сказала Даша. — Внутри всё то же.

— Хорошо. А Виктор где?

Даша ответила, что Виктор сейчас на занятии и к нему нельзя. Кира открыла папку. Сверху лежал лист с печатным заголовком. Даша увидела слова «разговор дома», потом Кира перевернула страницу и спросила, можно ли с Виктором хотя бы познакомиться до съёмки.

— Зачем?

— Мне потом надо объяснять людям, почему это стоит

смотреть. Я обычно хочу хоть раз услышать, как человек говорит, прежде чем за него написать.

Даша посмотрела на закрытую дверь. У Киры была разумная просьба. Если бы Виктор уже согласился на интервью для рекламы, им хватило бы десяти минут. Сейчас он пришёл учиться и уже успел спросить, кто заплатит за выезд, если ему вдруг не захочется сниматься. Даша сказала, что может прислать отрывок, который они согласуют отдельно.

Кира достала лист и протянула ей. Это был черновик анонса без даты. В первом абзаце Виктор увольнялся, дома скрывал увольнение и «рисковал потерять семью». Даша прочла последнюю строку дважды. Ей хотелось, чтобы у Киры там было написано что-нибудь менее определённое. Например, что он не успел предупредить жену. Но Кира как раз старалась написать определённо.

— Откуда у вас про семью? — спросила Даша.

— В заявке была семейная сцена. Я подумала, там будет понятно, как она на это отреагировала.

— Он ещё не рассказал жене. Мы договорились, что снимать её можно только отдельно, если она захочет.

Кира вынула из папки ручку и обвела слово «рисковал». Даша ждала, что она зачеркнёт всю строку. Кира поставила рядом знак вопроса.

— Тогда чем человек рискует? — спросила она.

Из кухни доносилось, как переставляют кастрюли. Даша представила Виктора в толпе людей, которые впервые чистят

рыбу. Она могла сказать, что он рискует не получить стажировку. Это было правдой. Но Виктор согласился на фильм ещё до того, как кто-то назвал день отбора. Ему нравилось, что сын увидит его за работой. Ему хотелось рассказать жене после того, как получит смены. И Даша пока не знала, что он сделает, если ему смен не дадут.

— Пока не знаю, — сказала она.

Кира подняла глаза. Даша приготовилась услышать, что ответить надо было ещё до заявки. Кира закрыла папку и предложила пройтись до метро. У неё через полчаса был следующий выезд, а такси обещало подъехать только через пятнадцать минут. Даша пошла рядом.

* * *

По дороге Кира рассказала, что в прошлом месяце у них выходил фильм про женщину, которая переехала к отцу в деревню. В черновике анонса написали, что она бросила карьеру. Она работала из дома, ничего не бросила и после публикации перестала отвечать. Кира узнала это из комментария её коллеги. С тех пор она хотела сама говорить с героями хотя бы один раз.

— Вы поэтому приехали? — спросила Даша.

— Поэтому. И мне надо было посмотреть на дверь.

Они дошли до перекрёстка. Кира остановилась перед переходом, хотя зелёный уже горел. Из двора выехал фургон,

перекрыл половину зебры и остановился. Кира подождала, пока водитель увидит их, и пошла первой.

— Можете написать про стажировку, — сказала Даша на другой стороне. — У него пять смен, если возьмут. Он ещё не знает, справится ли.

— Это сейчас уже правда?

— Что будет отбор, правда. Что он попадёт, нет.

Кира записала в телефон. Потом спросила, можно ли использовать кадр с ножом. Даша сказала, что нож хороший, только без звука жены. Кира посмотрела на неё.

— Она даже дома у вас везде?

— Один раз пришла за молоком.

Кира засмеялась. Потом показала Даше экран: «Кандидат на стажировку, 50 лет. Как человек становится учеником заново». Даша перечитала. Вторая фраза ей понравилась. Она не знала, продаст ли та фильм, но Виктор мог бы её услышать и не спросить, когда успел лишиться семьи.

Такси подъехало с другой стороны. Кира постояла возле остановки, дождалась, пока водитель развернётся, и сказала:

— В среду я приду на просмотр. Если решите что-нибудь другое, скажите при всех. А то мне потом присылают лист, на нём две подписи, и каждый думает, что подписал только половину.

Даша сказала, что придёт. Кира села в машину. Даша достала блокнот, нашла схему кухни и на обороте написала два предложения: про стажировку и про жену. Второе потом за-

черкнула. До среды оно ещё могло понадобиться для разговора. Для фильма оно пока принадлежало Виктору.

* * *

На обратном пути Даша зашла в студию через другой вход. Старый пропуск она отдала охране утром, а на новом входе охранник всё равно попросил её показать сумку. Он увидел блокнот, зарядку и пачку салфеток. Салфетки были из ресторана, но той, на которой Антон написал номер, среди них не было. Даша уже переложила её в карман куртки и несколько раз за день проверяла, на месте ли она.

У лифта стоял человек из отдела продвижения и говорил по телефону, что к вечеру им всё равно нужен «семейный угол». Даша прошла мимо, потом вернулась и спросила, о каком проекте речь. Человек прикрыл трубку и сказал, что о Викторе. В письме была заявка с двумя фамилиями. Миша и Даша.

— Моей подписи под семейной сценой нет, — сказала она.

— Ну там не подпись, там имена команды.

Он вернулся к звонку. Даша пошла к Ирине, уже не надеясь, что хватит одного разговора в коридоре. У Ирины дверь была открыта, на столе стоял тот же контейнер из-под салата. Даша поставила перед ней блокнот и спросила, можно ли сегодня на внутреннем просмотре открыть заявку при Ми-

ше. Ирина сняла очки и сказала, что можно.

— Только не начинай с того, что он подделал твою подпись, — добавила она. — Мы все видели первую заявку и не вычеркнули строку, которая нам не подходила.

Даша села. Ирина была права, и это ей особенно не понравилось. Она открыла блокнот, вытащила лист со схемой кухни и положила его перед собой. Пока на столе был лист, можно было начать с того, что они действительно собирались снимать.

10. Первый монтаж

Ирина досмотрела черновик до одиннадцатой минуты и попросила выключить звук. Даша выключила. На мониторе Виктор в белом фартуке резал лук. Рядом с ним подросток с продольным шрамом на пальце управлялся вдвое быстрее. Виктор оглянулся, увидел его доску и принялся резать ещё мельче.

— Что он потеряет, если у него не получится? — спросила Ирина.

— Он уже уволился.

— Зритель этого пока не знает.

— Его жена тоже.

Ирина подвинула к себе блокнот, записала что-то и посмотрела на Мишу. Миша принёс с собой две булочки. Одну он успел съесть до заставки, вторую держал на салфетке и отрывал от неё куски, когда разговор начинал идти не туда.

— Я поставил в заявке семейную сцену, — сказал он. — Это же ещё можно снять.

Даша повернула к нему стул.

— Какую сцену?

— Он рассказывает жене. Понятно, если она согласится.

— Мы обещали ему, что к ней никто не пойдёт.

— Никто и не пойдёт. Я позвоню Виктору.

— И скажешь, что выпуск теперь зависит от того, пустит

ли он нас домой?

Миша положил остаток булки на салфетку. На стол упало семечко. Он поднял его подушечкой пальца и некоторое время рассматривал.

— На показе спросят, почему мы не сняли самое важное.

Ирина сказала, что на показе об этом, скорее всего, спросит Антон. Пилот уже дважды переносили. Руководители отдела должны были показать материал в среду, а до этого найти хотя бы один вариант, в котором Виктор принимает решение в кадре.

Даша смотрела на экран без звука. Виктор смахнул лук ладонью и отодвинул нож от края стола, потому что мимо прошёл человек с подносом. В школе для взрослых ему доверяли чистить овощи, а на заводе под его подпись выпускали станки. Он один раз сказал это в машине, когда камеры были убраны. Даша записала фразу в блокнот. Теперь ей предстояло найти способ, чтобы это стало понятно без подсказки.

— Я сама ему позвоню, — сказала она.

Соня вернулась за наушниками, когда Ирина уже ушла. Миша протянул ей салфетку с последним куском булки. Соня посмотрела на салфетку, потом на него.

— Ты мне сейчас предлагаешь доесть или опять хочешь попросить приехать на запись на два часа раньше?

— Доесть. А завтра после работы поужинать.

Даша притворилась, что сохраняет файл. На экране поло-

са давно дошла до конца, поэтому она открыла его ещё раз.

— У тебя в прошлый раз тоже было «после работы», — сказала Соня. — Через пять минут оказалось, что у твоей команды нет ни микрофона, ни человека, который умеет его включать.

— Микрофон уже есть. Могу показать накладную.

— А команде ты уже сказал, кто тогда приехал?

Миша положил салфетку рядом с её сумкой. Даша помнила тот концерт. Соня вытащила технику из такси под дождём, а в полночь прислала сообщение, что едет домой с мокрыми носками и чужим удлинителем. Со сцены Миша поблагодарил команду. Соня услышала это через наушники.

— Ты сама сказала, что на сцену не пойдёшь, — сказал он.

— Мне хватило бы, если бы ты назвал моё имя со сцены. Меня бы от этого туда не вынесло.

Миша кивнул. Взял свою куртку, потом спросил, когда она всё-таки свободна. Соня сказала, что завтра занята, а в пятницу после съёмки может поесть. У двери Миша обернулся и спросил, где она хочет. Соня откусила булку и с набитым ртом сказала:

— Спросишь в пятницу. Если к тому времени всё ещё хочешь.

* * *

Виктор ответил после шести. На заднем плане играло ра-

дио, и Даша услышала, как он закрыл дверь.

— Она ещё думает, что я в отпуске, — сказал он, едва Даша объяснила, что им не хватает материала. — Я уже приготовил речь. Могу вам пересказать, если надо.

— А ей когда собираетесь?

— Как только узнаю про смены. Я хочу прийти с чем-то, кроме новости.

Даша спросила, можно ли приехать в учебную кухню ещё раз. Виктор сказал, что в пятницу будет решаться, кто останется на оплачиваемую стажировку. Он привык сначала снимать фартук, потом разговаривать и не мог пообещать, что в тот день захочет говорить вообще.

— Тогда решите на месте, — сказала Даша.

Виктор поблагодарил и отключился. Даша открыла заявку Миши, зачеркнула «съёмка семейного разговора» и внесла вместо него кухню. Когда сохранила, увидела на экране своё вчерашнее сообщение Антону. В отличие от Виктора, она могла рассказать всё, прежде чем надевать парик второй раз.

11. Игра до одиннадцати

Антон пришёл на площадку с двумя ракетками и пачкой мячиков. Даша знала, что он любит готовиться, но не ожидала, что он принесёт ещё и мел. Он объяснил, что хотел обвести яму возле стола, чтобы никто туда не наступил. Яма оказалась тенью от урны.

— Правила будем читать? — спросила Даша.

— После первой ссоры.

Она поправила рыжую прядь за ухом и взяла ракетку. Первые три мяча Антон отправил ей под левую руку. Даша вернула один, остальные собрала у забора. Рядом мужчина кормил голубей и всё время спрашивал, далеко ли она будет отходить, потому что голуби здесь обедают.

На четвёртой подаче Даша закатала рукава. Антон посмотрел на её запястье.

— Это точки?

Она повертела рукой. Три маленьких пятна синей краски давно стали нечёткими. Даша и Соня сделали их на спор после своей первой ночной съёмки. Тогда обеим казалось, что три точки на коже выглядят очень взрослым решением. Соня потом вывела свои, потому что всё время пыталась их отмыть.

— Это напоминание, что некоторые вещи нужно решать утром, — сказала Даша.

— Сработало?

Она подбросила мяч.

— По-разному.

Антон взял два очка подряд. На третьем Даша послала мяч в край стола. Они оба видели, что мяч задел доску, но Антон подошёл и проверил, какой именно край. Даша стояла напротив, опираясь ракеткой о бедро.

— Вы начальник даже там, где ничего не решаете?

Он выпрямился.

— Бывает. А вы всегда спрашиваете так, чтобы на ответ уже не осталось места?

Даша отдала ему мяч. Он остался у себя на половине и ждал. Она подумала, что на работе после такой реплики получила бы письмо от Ирины с темой «Давай созвонимся». Здесь ей хватило бы сказать «да».

— Когда хочу, чтобы человек замолчал, — сказала она. — Сейчас не хочу.

Антон подал мягче. Даша вернула мяч ему прямо под руку. Они доиграли без споров, и на последнем очке Антон полез за мячом в куст, зацепился пиджаком за ветку и тихо выругался. Она придержала ветку, пока он вынимал рукав. На рукаве осталась длинная зелёная полоса.

* * *

Мороженое он купил в киоске. Даша попросила самое де-

шёвое в стаканчике, потому что от другого у неё болели зубы. Антон взял такое же, откусил половину вафли и сказал, что теперь понимает почему.

Они сели на край низкой стены. Внизу проехал трамвай, и на секунду осветились его руки. Даша увидела на среднем пальце след от ручки. Ей хотелось взять его за руку. Хотелось ещё снять очки, потому что дужки давили за ушами, и назвать своё имя. Два последних желания мешали первому.

— Когда я предложил снова поужинать, ты сказала, что не придёшь, — сказал Антон.

Она заметила переход на «ты» и осталась сидеть.

— Я думала, ты откажешься от тенниса.

— Зачем тогда предложила?

Даша посмотрела на остаток мороженого. Вафля снизу размокла, и теперь требовалось быстро решить, что с ней делать.

— Хотела посмотреть, как ты проигрываешь.

— Ну и как?

— Пока привыкаешь.

Антон засмеялся и попросил у неё салфетку. Даша нашла в кармане две и протянула обе. Он взял одну, а вторую сложил и положил ей на колено. Потом спросил, можно ли ещё немного посидеть. Даша подвинулась ближе.

Они съели мороженое и уже пошли к остановке, когда по дорожке проехала девочка на самокате. От переднего колеса отделился маленький жёлтый отражатель, покатился к бор-

дюру и лёг в траву. Антон поднял его. Девочка уехала метров на двадцать, прежде чем заметила, что отец остановился и зовёт её обратно.

Антон отдал отражатель отцу, и они вдвоём попытались вставить его в крепление. Крепление оказалось треснувшим. Даша смотрела, как Антон просит девочку подержать руль, пока отец ищет, куда положить отражатель. У девочки на запястье болталась резинка с пластиковым лимоном. Она сняла её и предложила привязать отражатель прямо к рулю. Антон спросил, можно ли, завязал и показал ей, что лимон теперь висит сверху.

Когда они снова остались вдвоём, Даша спросила:

— Ты всем помогаешь, если знаешь, как лучше?

— Нет. Тут отец позвал.

— Ты первый поднял.

Антон посмотрел на карман, из которого вытащил мячик. Покатал его в ладони и сунул обратно.

— Поднять я могу. Дальше спрашиваю. На работе получается хуже.

Даша хотела сказать, что заметила. Вместо этого спросила, что он обычно делает, если ему нужно просто провести вечер и ничего за него не решить.

— Звоню Мише. У него всегда есть к кому заехать за кабелем. Могу два часа сидеть в машине и говорить, что он опоздает. Сам бы, наверное, поехал домой.

— И часто вы за кабелями ездите?

— Реже, чем он мне обещает.

Она не знала, о каком Мише речь. В Москве можно было проездить за кабелями всю жизнь, каждый раз с новым Мишей. Но ей вдруг стало интересно, как Антон разговаривает с человеком, который давно умеет его не слушаться. Ей хотелось увидеть, как он сидит в чужой машине и спокойно теряет два часа.

Остановка была совсем рядом. Даша дошла до расписания и остановилась. Через минуту подходил её автобус, а ей всё ещё хотелось постоять рядом. Она сказала, что может пропустить один.

12. Третий мяч

В среду утром Даша нашла в кармане жёлтый мячик. Она вытряхнула его на стол вместе с чеком от мороженого. Мяч подпрыгнул, попал в ножку монитора и укатился за коробку с проводами. Даша полезла за ним и услышала над собой голос Ирины.

— Скажи, что ты ищешь карту.

— Мячик.

Ирина вздохнула и поставила на стол чашку.

— Тогда когда найдёшь, посмотри заодно карту.

Карта лежала под блокнотом. Мячик застрял у плинтуса. Даша достала его линейкой, положила рядом с телефоном и только тогда открыла сообщение Антона. Он написал ночью, что один мяч пропал и что теперь у него осталось нечётное количество. Она подумала ответить, что у него их и было нечётное количество, но не была уверена. На площадке он бросил ей пачку, и она вытащила один, пока он пытался оттереть зелёную полосу на рукаве.

Даша набрала: «Мяч у меня». Потом: «Заберёшь, когда увидимся». Вторую фразу она убрала. Сообщение ушло с одним предложением. Антон ответил, что тогда у них есть официальная причина встретиться. Даша положила телефон рядом с мячиком и больше не брала его до обеда.

* * *

На кухне Соня резала лимон ножом, которым люди в студии обычно делили пиццу. Нож был круглый, и лимон всё время уезжал. Даша взяла его у неё, поставила лимон срезом на доску и дорезала.

— Ты вчера с ним виделась, — сказала Соня.

Это прозвучало так, будто она узнала из надёжного источника. Даша посмотрела на неё.

— Виделась.

— Я поняла по тому, что ты утром прислала мне шесть смешных картинок и ни слова про вторник.

Даша положила нож в раковину. Она собиралась рассказать Соне вечером, когда уже будет знать, о чём именно рассказывает. Сейчас у неё был жёлтый мячик на столе, два сообщения и совещание через полчаса. Она впервые поймала себя на том, что ждёт это совещание по двум разным причинам.

— Я собиралась сказать ему, — сказала она. — На площадке. Но там сначала был теннис, потом мы пошли за мороженым.

— А потом?

— Потом я решила, что если сейчас скажу, у нас закончится хороший вечер.

Соня положила два кружка лимона в чай. Третий остался

на доске, и Даша заметила, что срез у него толще с одной стороны.

— Это всё ещё я, да? — спросила Соня.

— Он называет меня Соней.

— Господи. Я хоть нормально играю?

Даша рассмеялась. Соня отнесла кружку к окну и долго мешала чай, хотя сахара туда не положила.

— Миша вчера мне написал, что на пятницу нашёл место, — сказала она. — Я спросила, что за место. Он прислал адрес студии. Потом вторым сообщением написал, что ошибся чатом. Адрес ресторана пришёл третьим.

— И ты пойдёшь?

— Если к пятнице он вспомнит, что мы на съёмке до обеда. Мало ли, вдруг предложит совместить.

Даша хотела спросить, нравится ли ей Миша. Соня уже взяла со стола телефон, чтобы ответить кому-то про пятницу, и Даша увидела, как быстро та сменила лицо, когда прочла имя на экране. Спрашивать было незачем. Она нарезала последний кружок лимона ещё на две части и бросила одну себе в воду.

— Я сегодня увижу Антона на просмотре, — сказала она.

Соня обернулась.

— А он тебя?

— Там я буду без парика.

— Я не про это.

На кухню вошёл Миша и поставил на подоконник пакет с

булочками. Спросил, можно ли взять чайник. Даша сказала, что можно. Он взял чайник, увидел рядом с Соней кружку и спросил, надо ли долить воды. Соня посмотрела на свою кружку и сказала, что надо. Миша долил, вернул чайник и ушёл, не забрав булочки.

— В студии только один человек так ставит пакеты, — сказала Соня, когда дверь закрылась. — Будто они здесь живут, а он просто мимо проходил.

Она взяла булочку. Даша заметила, что Соня оставила вторую ему.

* * *

До просмотра оставалось десять минут. Даша принесла в переговорную воду, сложила у экрана провода и проверила, на каком кадре начинается фильм. На первом кадре Виктор застёгивал ворот куртки. Видно было только его руки и часть молнии. Даша любила этот кадр, потому что в нём ещё можно было решить, что Виктор идёт на завод. В следующем он снимал куртку, а за спиной кто-то раздавал фартуки.

Ирина села рядом и спросила, хочет ли Даша сама отвечать, если Антон спросит про семью. Обычно Даша кивала, а потом ждала, когда Ирина начнёт первой. Сегодня она сказала, что хочет.

— Хорошо. Только не объясняй ему всё до вопроса. Дай сначала посмотреть.

Даша положила телефон экраном вниз. Жёлтый мячик она по привычке сунула в карман, когда пошла в переговорную, и теперь он упирался в край стула. Она вынула его и взяла в ладонь. Из коридора послышались шаги. Даша успела переложить мячик в сумку и застегнуть её, прежде чем Антон вошёл.

Он поздоровался со всеми сразу и сел напротив экрана. Дашу он пока не видел. Она вдруг поняла, что может встать, пройти к двери и сказать Ирине, что ей нужно позвонить. Ирина ответит за неё, как отвечала раньше. Даша села ровнее и придвинула к себе распечатку. На первой странице стояло её имя.

13. Без парика

На общем просмотре Даша села возле двери. Так было удобнее выходить, если кому-нибудь позвонят из кухни. На самом деле она хотела, чтобы между ней и Антоном стоял стол с водой и хотя бы шесть человек.

Он остановил пилот на кадре, где Виктор снимает фартук. Спросил, что зритель к этому моменту знает о его семье. Миша сказал, что дома Виктор пока скрывает увольнение. Антон повернулся к экрану.

— В фильме он этого не говорит. Если мы не можем снять разговор с женой, чем заменим?

— Сначала надо решить, что именно мы хотим снять, — сказала Даша. — Разговор или её реакцию, когда ей никто не оставил времени подумать?

Антон нашёл её взглядом. Даша услышала собственный голос и поняла, что сказала это с той же интонацией, с какой спрашивала на теннисе, часто ли он командует там, где ничего не решает.

— Дайте ей договорить, — сказал он Мише, который уже открыл рот.

Даша предложила съёмку в учебной кухне. Антон спросил, будет ли у Виктора там выбор, который зритель сможет увидеть. Она объяснила про оплачиваемую стажировку. Ирина добавила, что съёмку успеют сделать в пятницу, если

до обеда согласовать время. Антон записал срок и попросил принести новую сборку.

Когда просмотр закончился, Даша потянулась за стаканом. Рукав зацепился за угол ноутбука. Антон стоял рядом, собирая распечатки, и на секунду задержал взгляд на её руке. Три синие точки были открыты. Даша поправила рукав, взяла стакан и унесла его на кухню, хотя собиралась оставить возле двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.